



## ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РОЛЕВОЙ ВИКТИМНОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЙ ЭКСКЛЮЗИИ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

*Л. Э. Семенова<sup>1,2</sup>, В. Э. Семенова<sup>2</sup>, Н. В. Карпушкина<sup>3</sup>*

*<sup>1</sup>Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

*<sup>2</sup>Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация*

*<sup>3</sup>Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

### АННОТАЦИЯ

**Введение.** Современные подростки нередко сталкиваются с требованиями, заметно превышающими их внутренние ресурсы, что в итоге приводит к ряду проблем, среди которых виктимность, связанная с девиациями и социальной эксклюзией. Однако при этом в современной психологии остается открытым вопрос о гендерной специфике переживаний эксклюзии и проявлений виктимности применительно к старшему подростковому возрасту. В данной статье анализируются особенности проявления ролевой виктимности и переживания социальной эксклюзии у старших подростков в гендерном измерении.

**Материалы и методы.** В исследовании приняли участие 100 старших подростков 15-17 лет (50 девочек и 50 мальчиков). Для выявления типа ролевой виктимности использовался опросник М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой «Тип ролевой виктимности». Для изучения переживаний социальной эксклюзии применялась методика «Переживание социального исключения (ПСИ)» Г. В. Семеновой, С. А. Векиловой и О. В. Рудыхиной.

**Результаты исследования.** В ходе исследования нашла подтверждение гипотеза о гендерной специфике проявлений ролевой виктимности в старшем подростковом возрасте. В частности, было установлено, что аутовиктимный тип ролевой виктимности чаще встречается среди мальчиков, нежели среди девочек, у которых на порядок чаще встречается виктимный тип ролевой виктимности. Полученные результаты показали также наличие гендерной специфики в переживаниях социального исключения старших подростков. Для девочек в большей степени, чем для мальчиков, оказались характерны переживания отвержения в диаде, тогда как у мальчиков, в отличие от девочек, более выраженными были переживания, связанные с буллингом. При этом в группе виктимных и гипервиктимных старших подростков гендерные различия соответствовали тем, что были констатированы в целом по выборке, а в группе аутовиктимных они были зафиксированы в пользу мальчиков по переживанию исключения со стороны статусных фигур. Самые высокие показатели переживания социальной эксклюзии независимо от пола наблюдались у виктимных и гипервиктимных старших подростков.

**Обсуждение и заключения.** На основании результатов исследования можно говорить о наличии в старшем подростковом возрасте гендерной специфики не только в плане проявления ролевой виктимности, но и относительно переживаний социальной эксклюзии,

## General psychology, personality psychology, history of psychology

причем переживания социального исключения в межличностных отношениях имеют некоторые гендерные различия в зависимости от типа ролевой виктимности старших подростков.

*Ключевые слова:* виктимность; ролевая виктимность; типы ролевой виктимности; эксклюзия; переживания социального исключения; девочки и мальчики старшего подросткового возраста

*Благодарности:* авторы выражают благодарность Ю. С. Степановой, которая принимала участие в сборе и частичной обработке эмпирических данных.

**Для цитирования:** Семенова Л. Э., Семенова В. Э., Карпушкина Н. В. Гендерная специфика проявления ролевой виктимности и переживаний эксклюзии в старшем подростковом возрасте // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-1-9.

## GENDER-SPECIFIC MANIFESTATIONS OF ROLE VICTIMIZATION AND EXCLUSION EXPERIENCES IN OLDER ADOLESCENCE

*L.E. Semenova<sup>1,2</sup>, V.E. Semenova<sup>2</sup>, N.V. Karpushkina<sup>3</sup>*

<sup>1</sup> *National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation*

<sup>2</sup> *Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

<sup>3</sup> *Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation*

### ABSTRACT

**Introduction.** Modern adolescents often face demands that significantly exceed their internal resources, which eventually leads to a number of problems, including victimization associated with deviations and social exclusion. However, in modern psychology, the question of the gender specificity of exclusion experiences and victimization in relation to older adolescence remains open. This article analyzes the features of the manifestation of role victimization and the experience of social exclusion in older adolescents in the gender dimension.

**Materials and methods.** The study involved 100 older adolescents aged 15-17 (50 girls and 50 boys). The questionnaire of M. A. Odintsovo and N. P. Radchikova "Type of role victimization" was used to identify the type of role victimization. To study the experiences of social exclusion, the methodology "Experiencing social exclusion (PSI)" by G. V. Semenova, S. A. Vekilova and O. V. Rudykhina was used.

**Results.** The study confirmed the hypothesis about the gender-specific manifestations of role victimization in older adolescence. In particular, it was found that the autovictim type of role victimization is more common among boys than among girls, who are much more likely to have a victim type of role victimization. The results also showed the presence of gender specificity in the experiences of social exclusion of older adolescents. Girls were more likely than boys to experience rejection in the dyad, while boys, unlike girls, had more pronounced experiences related to bullying. At the same time, in the group of victimized and hypervictim older adolescents, gender

differences corresponded to those found in the sample as a whole, while in the group of autovictimic adolescents they were recorded in favor of boys experiencing exclusion from status figures. The highest rates of experiencing social exclusion, regardless of gender, were observed in victimized and hypervictimic older adolescents.

**Discussion and conclusions.** Based on the results of the study, it is possible to talk about the presence of gender specificity in older adolescence, not only in terms of the manifestation of role victimization, but also in terms of experiences of social exclusion, and experiences of social exclusion in interpersonal relationships have some gender differences depending on the type of role victimization of older adolescents.

*Keywords:* victimization; role victimization; types of role victimization; exclusion; experiences of social exclusion; girls and boys of older adolescence

*Acknowledgements:* the authors would like to thank Yu. S. Stepanova, who participated in the collection and partial processing of empirical data.

**For citation:** Semenova L. E., Semenova V. E., Karpushkina N. V. Gender-specific manifestations of role victimization and exclusion experiences in older adolescence // Vestnik of Minin University. 2026. Vol. 14, no. 1. P. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-1-9.

## Введение

В условиях современного динамичного мира постоянно меняются и при этом с каждым годом существенно возрастают социальные и технологические требования в отношении личности, ее активности, способностей и т.п. [43; 78; 83 и др.]. Нередко эти требования значительно превышают имеющиеся у человека внутренние ресурсы, что в итоге приводит к высокой эмоциональной и физической напряженности, тревоге, а также к росту уязвимости и беспомощности, свидетельствующих о социально-психологической дезадаптации личности [71; 77 и др.]. Особенно это касается подрастающего поколения – еще личностно и социально незрелого, только познающего самих себя и осваивающего социальный репертуар. Наиболее уязвимым в этом плане считается подростковый возраст, когда происходит первоначальная постановка и первые пробы решения задачи самоопределения, поиска собственной идентичности [15; 44; 57; 60; 73; 81 и др.].

Как следствие расхождения возрастающих требований (в том числе со стороны разных социальных групп – того же подросткового сообщества), с одной стороны, и отсутствия у подростков реальных ресурсов (включая не только психологические – интеллектуальные, эмоционально-волевые, мотивационно-потребностные, ценностно-смысловые, но и социальные, материальные и др.), с другой стороны, возникают серьезные социально-психологические проблемы, среди которых инфантилизация подрастающего поколения [31; 38; 42 и др.], остракизм и эксклюзия [5; 8; 9; 50; 52; 84 и др.], широкое распространение девиантных форм поведения [40; 41; 67 и др.], а также виктимности и виктимного поведения [1; 35; 36; 37; 68; 69 и др.], которое является полным антагонистом по отношению к безопасному социально одобряемому поведению и с которым, как показывают некоторые исследования, прослеживается тесная связь девиантного поведения подрастающего поколения [13; 41 и др.]. При этом в ряде исследований подчеркивается факт

тесной связи девиаций, виктимности и социальной (в том числе межличностной) эксклюзии [10; 29; 41 и др.]. Однако, что касается гендерной специфики переживаний эксклюзии и проявлений виктимности применительно к старшему подростковому возрасту, то ответ на этот вопрос большей частью остается открытым и требует специального изучения.

### **Обзор литературы**

В последнее время проблема виктимности и виктимного поведения подростков вызывает особую тревогу у специалистов [1; 12; 35; 36; 39; 63 и др.]. Во многом это обусловлено тем, что большинство виктимных подростков склонны к действиям и поступкам, которые не являются социально одобряемыми, а также очень часто находятся в тревожном и эмоционально напряженном состоянии, что в итоге приводит к их неблагоприятному и дезадаптации [6; 32 и др.].

В современной науке под виктимностью понимают потенциальную или актуальную способность индивида индивидуально или коллективно становиться жертвой каких-либо социально опасных явлений, включая преступления, физическое и психологическое насилие и др. [цит. по: 53]. Другими словами, виктимность обычно рассматривается в двух аспектах: как свойство отдельного лица (так называемая индивидуальная виктимность или виктимность личности) и как социальное массовое явление (так называемая групповая или массовая виктимность). При этом применительно к личности виктимность трактуется как совокупность ее свойств и черт, предопределяющая возможность становиться жертвой [6].

Так, по мнению М. А. Одинцовой, жертвой является личность с особой внутренней виктимной активностью, характеризующейся зависимостью, не критичностью, беспомощностью, уязвимостью, которые приводят к особому способу психологической защиты – поведению жертвы, т.е. виктимному поведению [35].

В свою очередь О. О. Андронникова определяет виктимность как совокупность таких свойств и характеристик личности, которые обуславливают ее дезадаптацию, поскольку способствуют дезадаптивному стилю реагирования в различных социальных ситуациях [1].

Соответственно под виктимным поведением или поведением жертвы, как правило, понимают такой тип поведения, в процессе которого у человека возрастает риск стать жертвой каких-либо деструктивных действий, конфликтных ситуаций или различных негативных обстоятельств. При этом данное поведение характеризуется чрезмерной зависимостью от других, чувством бессилия, страха, незащитности и беспомощности, особенно в ситуациях, требующих независимого принятия решений и личной ответственности. Как утверждают О. О. Андронникова и Е. В. Ветерок, виктимное поведение отклоняется от норм безопасного поведения, предполагает дезадаптивный стиль реагирования и низкий уровень психологического благополучия личности [3].

Однако в то же время, как подчеркивают В. А. Лефтеров и Т. М. Вакулич, при изучении виктимного поведения разные исследователи делают акцент на разных его аспектах, среди которых не только совокупность определенных черт, зависимость, подчиненность, но и провокационность, чрезмерная озабоченность, набор особых норм поведения и даже способ адаптации к острому внутриличностному конфликту» [27]. Иными словами, в ряде исследований признается тот факт, что виктимность может проявляться в особом поведении, когда человек намеренно или не намеренно провоцирует других людей, склонных к агрессии, а также в постоянных жалобах на свою жизнь, которые используются с

целью привлечения внимания и получения сочувствия, а вызывают в ответ нередко раздражение, презрение и агрессию [34; 45 и др.].

Некоторые исследователи, характеризуя виктимность, особо выделяют такой ее тип, как ролевая виктимность [35; 55 и др.]. В частности, согласно точке зрения В. А. Тулякова, ролевая виктимность является объективным аспектом определенных социальных ролей и тем самым представляет опасность для лиц, исполняющих эти роли, независимо от их личностных качеств, т.е. в данном случае именно роль становится тем фактором, который делает или может сделать человека жертвой [55]. Поясним, что при таком понимании ролевой виктимности в качестве одного из ее проявлений можно рассматривать профессиональную виктимность.

Совершенно иную трактовку ролевой виктимности предлагает М. А. Одинцова, которая понимает под ней особое, динамическое сочетание игровых и социальных ролей жертвы, а именно: позиции жертвы (воплощения игровой роли жертвы) и статуса жертвы (воплощения социальной роли жертвы) [35; 36]. По мнению М. А. Одинцовой, игровая роль жертвы предполагает наличие свободных, ситуативных и взаимовыгодных, легко принимаемых участниками межличностного взаимодействия ролевых отношений, которые основываются на скрытой мотивации, при которой человек управляет своим поведением для достижения определенной цели, создавая образ жертвы. Такая роль согласуется с внутренними особенностями виктимной личности (инфантильность, демонстративность, склонность к манипуляции, наличие рентных установок и др.) В свою очередь социальная роль жертвы предполагает навязанные или предписанные ситуативные отношения, способствующие стигматизации индивида, деформирующие его жизнедеятельность и превращающие его в аутсайдера, обвиняющего обстоятельства и самого себя, но не использующего манипуляцию. Такая роль характеризует личность, находящуюся в условиях «хронической виктимизации», т.е. постоянно, переживающего ситуацию какого-либо насилия (не только физического, но и экономического, психологического и др.). Другими словами, при наличии социальной роли жертвы уже осуществился переход потенциальной виктимности в реальную (реализованную) виктимность [37].

Признавая, что ролевая виктимность имеет своей особенностью не просто восприятие себя в качестве жертвы, но и определенное поведение, специфику социальной активности, а также особый тип личности, с учетом преобладания игровой и/или социальной роли жертвы, М. А. Одинцова выделили и описала четыре виктимных типа личности:

- «аутовиктимный» – с преобладанием игровой роли жертвы;
- «виктимный» – с преобладанием социальной роли жертвы;
- «гипервиктимный» – с одинаково сильно выраженными обеими ролями жертвы;
- «невиктимный» – при отсутствии выраженности как игровой, так и социальной роли жертвы [35].

По данным самой М. А. Одинцовой, аутовиктимные личности характеризуются добровольной самоидентификацией с жертвой и приписывают этой роли личностные смыслы, что позволяет им манипулировать другими для использования внешних ресурсов в своих целях и получения выгоды из своего «бедственного» положения, которое нередко возникает вследствие необоснованной помощи и поддержки со стороны других людей, что в итоге деформирует личность и ее поведение, поскольку способствует закреплению иждивенческих мотивов и инфантилизма.

В отличие от аутовиктимных виктимным личностям роль жертвы навязывает общество, и они тяжело переживают это, страдая от своей роли, чувствуя себя одинокими и ненужными и воспринимая мир как враждебный. По своей сути эти личности являются стигматизированными, на которых общество навешивает ярлыки, причем со временем такое стигматизированное состояние принимается самим человеком, становится неотъемлемой характеристикой личности, закрепляя тем самым ее социальное аутсайдерство.

Гипервиктимные личности, по словам М. А. Одинцовой, отличаются сочетанием комплекса характеристик как аутовиктимных, так и виктимных: им свойственно не только погружаться в свои страдания, но и демонстрировать их окружающим, к тому же они склонны к постоянным жалобам, обвинениям и даже самообвинениям. Любопытно, что такие люди активно используют манипуляцию, нередко проявляют агрессию и при этом считают себя неудачниками и аутсайдерами.

Что же касается невиктимных личностей, то в их поведении, как отмечает М. А. Одинцова, признаки ролевой виктимности отсутствуют [35].

К слову заметим, что, согласно данным самой М. А. Одинцовой, все перечисленные выше типы встречаются уже в подростковом возрасте, причем наиболее высокий уровень ролевой виктимности с игровой ролью жертвы наблюдается у подростков из неблагополучных семей [36].

Кроме того, в ряде исследований констатируются некоторые гендерные особенности виктимности в целом и ролевой виктимности в частности. Так, отмечается, что лица женского пола чаще, чем мужчины, становятся жертвами домашнего насилия [14; 18; 27], хотя в работах некоторых авторов утверждается, что в современном обществе мужчины также нередко становятся жертвами насилия со стороны своей супруги/партнерши [54; 58; 74] и даже более того, отмечается рост виктимизации мужчин – жертв насилия со стороны женщин в начале XXI столетия [22]. Многими авторами подчеркивается, что в большинстве своем лица мужского пола предрасположены к активному виктимному поведению, а лица женского пола преимущественно к пассивному виктимному поведению, однако в то же время и у тех, и у других имеет место опыт пережитого насилия [4; 28].

Также имеются отдельные сведения относительно особенностей ролевой виктимности лиц женского и мужского пола. В частности, применительно к подростковому возрасту обнаружено, что у девочек чаще, чем у мальчиков, наблюдается склонность к игровой роли жертвы, т.е. для них характерен аутовиктимный тип ролевой виктимности [23], тогда как в период средней взрослости у многих женщин и мужчин преобладает виктимный тип ролевой виктимности, т.е. они находятся в условиях «хронической виктимизации», а склонность к аутовиктимному типу несколько ярче выражена у мужчин [7].

Следует отметить, что, обсуждая проблему виктимности, некоторые исследователи так или иначе подчеркивают ее связь с социальным исключением, или эксклюзией, которая подразумевает различные лишения, препятствующие полноценному включению человека в систему социальных отношений, вытеснение его на периферию коммуникации, что приводит к фрустрации важных психологических потребностей личности (в безопасности, принятии, самоуважении) и делает ее особенно уязвимой для любых негативных влияний [17; 52 и др.]. В частности, констатируется, что как социально-психологический феномен эксклюзия приводит к возникновению тяжелых для личности переживаний (чувство собственной несостоятельности, вины, стыда, унижения, отвержения и т.п.), девиантных форм поведения и повышению виктимности [10; 25; 46; 64 и др.]. При этом даже спустя много лет опыт эксклюзии (как активной – буллинг, бойкот и др., так и пассивной – отвержение, непринятие

и др.) вызывает у личности сильные переживания [17], негативно влияет на эмоциональное состояние, мотивацию, успешное трудоустройство, дружеские и супружеские отношения [11; 86], а опыт хронической эксклюзии к тому же приводит к смирению [82] и др. Установлено, что неблагополучие в группе сверстников и особенно активные формы эксклюзии (буллинг, кибербуллинг) способствуют формированию у подростков виктимных установок, виктимного поведения и виктимности как устойчивой черты личности [63; 85], что, в свою очередь, еще больше способствует их эксклюзии. И, напротив, виктимные подростки, подвергающиеся различным формам насилия, пренебрежению или дискриминации, часто ощущают себя отвергнутыми и оказываются в ситуации социальной изоляции, что в итоге усиливает их уязвимость и способствует закреплению девиантных форм поведения [32; 80].

Что же касается гендерных особенностей переживания социальной эксклюзии, то такого рода данные остаются на сегодняшний день весьма малочисленными, причем получены они преимущественно на студенческих группах [65].

Таким образом, противоречивость некоторых сведений относительно гендерной специфики ролевой виктимности, недостаточность научной информации о переживании эксклюзии лицами женского и мужского пола и отсутствие конкретных данных комплексного изучения феноменов ролевой виктимности и эксклюзии в гендерном измерении применительно к старшему подростковому возрасту убеждают в необходимости и целесообразности проведения такого исследования.

## Материалы и методы

Целью своего исследования мы определили изучение особенностей проявления ролевой виктимности и переживания социальной эксклюзии у старших подростков в гендерном измерении.

В качестве гипотез в исследовании были сформулированы следующие предположения:

1. В старшем подростковом возрасте ролевая виктимность будет иметь гендерную специфику, в частности, для девочек и мальчиков будут характерны преимущественно разные типы ролевой виктимности.

2. Переживания социального исключения девочек и мальчиков старшего подросткового возраста также будут различаться.

3. Более высокие показатели переживания социальной эксклюзии независимо от пола будут наблюдаться у виктимных и гипервиктимных старших подростков.

Для сбора данных использовались две методики:

- опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой [37];
- опросник «Переживание социального исключения (ПСИ)» Г. В. Семеновой, С. А. Векиловой и О. В. Рудыхиной [47].

Участниками исследования стали старшие подростки 15-17 лет в количестве 100 человек ( $X=16,4$ ;  $\delta=0,97$ ); из них: 50 девочек и 50 мальчиков.

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.

## Результаты исследования

Обратимся к данным таблицы 1, где представлены результаты относительно гендерной специфики проявлений ролевой виктимности в старшем подростковом возрасте.

Таблица 1 – Особенности проявления ролевой виктимности у девочек и мальчиков старшего подросткового возраста

Ролевая виктимность	X+δ		t-критерий Стьюдента
	девочки	мальчики	
Игровая роль жертвы	4,7+1,3	<b>6,3+1,4</b>	<b>5,93 (p≤0,001)</b>
Социальная роль жертвы	<b>6,1+1,8</b>	5,2+1,2	<b>2,90 (p≤0,01)</b>
Общий уровень ролевой виктимности	5,5+1,4	5,8+1,05	1,21

Table 1 – Features of the manifestation of role victimization in girls and boys of older adolescence

Role-based victimization	X+δ		Student's t-test
	girls	boys	
Victim's playing role	4,7+1,3	<b>6,3+1,4</b>	<b>5,93 (p≤0,001)</b>
Social role of the victim	<b>6,1+1,8</b>	5,2+1,2	<b>2,90 (p≤0,01)</b>
Overall level of role victimization	5,5+1,4	5,8+1,05	1,21

Как можно видеть из таблицы 1, согласно полученным результатам, в целом независимо от пола старшие подростки демонстрируют примерно одинаковый общий уровень ролевой виктимности с незначительным перевесом в пользу испытуемых мужского пола; при этом и в группе девочек, и в группе мальчиков он остается в пределах нормы (4-6 стен).

В то же время показатели игровой роли жертвы и социальной роли жертвы свидетельствуют о наличии ярко выраженной гендерной специфики, а именно: если у девочек-подростков в большей степени выражена склонность к социальной роли жертвы, то у мальчиков-подростков, напротив, – к игровой роли жертвы, для которой характерны установки на получение определенной выгоды от своего положения.

Эти результаты говорят о том, что среди старших подростков – участников нашего исследования чаще стигматизируются девочки, тогда как мальчики в основном демонстрируют добровольную идентификацию себя с жертвой. Другими словами, если девочкам роль жертвы преимущественно навязывает социальное окружение, то мальчики, как правило, сами берут на себя такую роль и приписывают ей личностные смыслы.

Поясним, что полученные нами данные расходятся с уже опубликованными в литературе [23], но, на наш взгляд, вполне объяснимы в логике специфики ряда аспектов женской и мужской социализации.

Так, в соответствии с традиционным стереотипом женственности, от «правильной» девочки/женщины ожидается послушание, конформность, готовность «идти навстречу», проявлять заботу и понимание, уступать, терпеть, не сопротивляться, не стремиться отстаивать собственную позицию и т.п. [24; 49 и др.], что, по мнению П. Бурдые, является отражением мужской точки зрения [70]. Такой сценарий поведения нередко становится основой для виктимности как в семье, так и в профессиональной сфере, в частности, в ситуациях домашнего насилия, с которым, как уже отмечалось выше, в качестве жертвы, прежде всего, сталкиваются именно лица женского пола, и именно домашнее насилие может стать той трудной жизненной ситуацией, на фоне которой складывается «социальная роль жертвы». Не случайно, как свидетельствуют результаты исследований, по сравнению с

мужчинами женщины более склонны к самообвинению, их негативные переживания и чувство безнадежности выражены гораздо сильнее [16; 21]. К тому же социальный образ типичной жертвы (обиженной, униженной, пострадавшей от разного рода насилия, причем не только в семье, но и в профессиональной среде), как правило, женский, тогда как мужской – это, скорее, образ агрессора и завоевателя [56; 59; 61 и др.]. При этом нередко уже в подростковом возрасте агрессивное поведение мальчиков в той или иной степени стимулируется и поддерживается социальными ожиданиями сверстников [62], которые во многом производны от традиционных представлений о доминировании мужчины и подчинении женщины, по-прежнему достаточно широко распространенных и в современном обществе, включая медийный дискурс [19; 72; 75 и др.], где нередко до сих пор женщина оказывается в позиции «добычи» захватчика (которым почти всегда является мужчина), производителя потребительских благ для своего мужчины (мужа) и/или объекта демонстрации финансовой состоятельности и успеха влиятельного мужчины [цит. по: 30]. Кроме того, неоднократно констатируется в научной литературе также факт жертвенного поведения женщин в ситуации созависимых отношений, в частности, тех, чьи мужья страдают алкогольной зависимостью [2; 51 и др.]. Как показывают исследования, эти женщины обнаруживают несуицидальные аутоагрессивные паттерны рискованно-виктимного поведения, т.е. попадают в группу риска антивитальной активности [51], а, как подчеркивает М. А. Одинцова, беспомощность и аутоагрессивность становятся теми внутренними факторами, которые способствуют становлению социальной роли жертвы [35]. К слову заметим, что доминирование социальной роли жертвы (как следствие стигматизации) ранее было зафиксировано нами в группе женщин-матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, среди которых невиктимные личности составляли вообще только 10 % [48]. В целом, обратившись к работе К. Эльячефф и Д. Суле-Ларивьер, можно резюмировать изложенное выше следующим образом: женщины считаются жертвами просто по своему статусу – домогательства, насилие в браке, проституция, преступность, безработица, сексизм (причем заметим – в основном против ее воли и желания, что соответствует «социальной роли жертвы»), а причиной их виктимизации чаще всего называют мужчин и их потребности [66].

В свою очередь мужчинам и мальчикам гораздо сложнее согласиться с социальной ролью жертвы и принять ее, так как она не соответствует традиционному стереотипу мужественности, образу «настоящего» мужчины. А вот использовать роль жертвы в своих целях, играть эту роль по собственному усмотрению, когда это может быть выгодно, – вполне возможно, поскольку в ней он занимает более активную позицию, предполагающую использование манипулятивных стратегий.

Количественное распределение старших подростков женского и мужского пола по типам ролевой виктимности представлено в таблице 2.

Полученные результаты позволили установить, что в целом среди участников исследования преобладают невиктимные старшие подростки, которые составили почти треть от общего числа испытуемых (30 %). При этом, как можно видеть из таблицы 2, в числе невиктимных немного больше девочек, чем мальчиков, однако статистически значимые различия отсутствуют.

Таблица 2 – Гендерная специфика типов ролевой виктимности в старшем подростковом возрасте

Типы ролевой виктимности	Всего (кол. / %)	Девочки (кол. / %)	Мальчики (кол. / %)	φ-критерий Фишера
Аутовиктимный	16 / 16	5 / 10	<b>11 / 22</b>	<b>1,66 (p≤0,05)</b>
Виктимный	25 / 25	<b>16 / 32</b>	9 / 18	<b>1,64 (p≤0,05)</b>
Гипервиктимный	29 / 29	11 / 22	18 / 36	1,56
Невиктимный	30 / 30	18 / 36	12 / 24	1,32

Table 2 – Gender-specific types of role victimization in older adolescence

Types of role victimization	Total (quantity / %)	Girls (quantity / %)	Boys (quantity / %)	Fischer' φ criterion
Autovictimal	16 / 16	5 / 10	11 / 22	<b>1,66 (p≤0,05)</b>
Victimized	25 / 25	16 / 32	9 / 18	<b>1,64 (p≤0,05)</b>
Hyperactive	29 / 29	11 / 22	18 / 36	1,56
Non-reversible	30 / 30	18 / 36	12 / 24	1,32

В то же время статистически значимые различия были зафиксированы по аутовиктимному типу ролевой виктимности (с преобладанием игровой роли жертвы) в пользу мальчиков ( $\varphi=1,66$  при  $p\leq 0,05$ ) и по виктимному типу ролевой виктимности (с преобладанием социальной роли жертвы) в пользу девочек ( $\varphi=1,64$  при  $p\leq 0,05$ ), что в целом согласуется с ранее представленными данными. Между тем по гипервиктимному типу ролевой виктимности (с одинаково высокими показателями и по игровой, и по социальной роли жертвы) гендерные различия оказались статистически незначимыми, хотя, как следует из данных таблицы 2, несколько чаще такой тип ролевой виктимности демонстрировали мальчики-подростки, к тому же в выборке испытуемых мужского пола именно этот тип ролевой виктимности оказался преобладающим (встречался у 36 % мальчиков-подростков). Более того, в целом в группе участников исследования гипервиктимных подростков также оказалось несколько больше (29 %), чем виктимных (25 %) и особенно аутовиктимных (16 %).

Далее обратимся к результатам изучения степени выраженности переживания социального исключения (экслюзии) у девочек и мальчиков старшего подросткового возраста, в том числе с учетом типа ролевой виктимности, которые нашли свое отражение в таблицах 3 и 4.

Таблица 3 – Гендерная специфика переживания социального исключения у старших подростков

Переживания социального исключения	X+δ		t-критерий Стьюдента
	девочки	мальчики	
Переживание школьной травли	14,62+2,7	<b>17,04+4,4</b>	<b>3,32 (p≤0,01)</b>
Переживание отвержения в диаде	<b>13,25+3,1</b>	9,85+3,3	<b>5,31 (p≤0,001)</b>
Переживание исключения со стороны статусных фигур	10,74+4,3	11,62+4,1	1,05
Общий индекс экслюзии в межличностных отношениях	38,61+4,6	38,51+4,9	0,11

Table 3 – Gender-specific experiences of social exclusion in older adolescents

Experiences of social exclusion	X+δ		Student's t-test
	girls	boys	
Experiencing school bullying	14,62+2,7	<b>17,04+4,4</b>	<b>3,32 (p≤0,01)</b>
Experiencing rejection in the dyad	<b>13,25+3,1</b>	9,85+3,3	<b>5,31 (p≤0,001)</b>
Experiencing exclusion from status figures	10,74+4,3	11,62+4,1	1,05
General index of exclusion in interpersonal relationships	38,61+4,6	38,51+4,9	0,11

Согласно полученным результатам, представленным в таблице 3, старшие подростки женского и мужского пола переживают социальную эксклюзию несколько по-разному. Так, если для девочек-подростков в большей степени, чем для мальчиков-подростков, характерны переживания отвержения в диаде, т.е., прежде всего, проявления гостинга (внезапное прерывание контакта без объяснения причин), фаббинга (игнорирование партнера в пользу мобильного девайса) и предательства в контексте межличностного взаимодействия, то у мальчиков-подростков, в отличие от девочек-подростков, более высокие показатели констатированы относительно переживания школьной травли (буллинга), который, помимо всего прочего, приводит к существенному снижению столь значимого для лиц мужского пола социального статуса и свидетельствует о социальном аутсайдерстве (несоответствии образу «крутого парня»). При этом по каждому из этих параметров социального исключения обнаружены статистически значимые гендерные различия: в пользу девочек по переживанию отвержения в диаде ( $t=5,31$  при  $p \leq 0,001$ ) и в пользу мальчиков по переживанию буллинга ( $t=3,32$  при  $p \leq 0,01$ ). Однако в то же время обращает на себя внимание тот факт, что независимо от пола самые высокие показатели степени выраженности переживания социального исключения в старшем подростковом возрасте наблюдаются по параметру школьной травли, что вполне согласуется с имеющимися в современной психологии данными о широком распространении буллинга в школьной среде [20; 26; 33; 76; 79].

Что же касается переживания исключения со стороны статусных фигур, то в этом плане статистически значимые гендерные различия не обнаружены, хотя у мальчиков эти переживания выражены несколько больше.

Кроме того, общий индекс эксклюзии в межличностных отношениях и у подростков женского пола, и у подростков мужского пола соответствует значениям среднего уровня и к тому же является практически одинаковым, что позволяет говорить о том, что в целом субъективный опыт социального исключения старших подростков имеет не столько количественные, сколько качественные гендерные различия.

В свою очередь переживания социального исключения у старших подростков с разными типами ролевой виктимности также имеют некоторую гендерную специфику, о чем наглядно свидетельствуют данные таблицы 4.

Таблица 4 – Гендерная специфика переживания социального исключения у старших подростков с разными типами ролевой виктимности

Типы ролевой виктимности		Переживания социального исключения			
		Переживание школьной травли	Переживание отвержения в диаде	Переживание исключения со стороны статусных фигур	Общий индекс эксклюзии в межличностных отношениях
Аутовиктимный	Д	13,54+0,7	10,30+1,1	11,76+1,3	35,60+2,3
	М	14,47+1,6	9,97+2,3	13,96+0,6	38,40+3,1
	t	1,62	0,39	<b>3,61 (p≤0,01) М</b>	2,01
Виктимный	Д	17,70+3,3	17,94+2,6	12,53+3,6	48,17+3,9
	М	20,10+2,4	11,86+4,1	12,76+2,7	44,72+4,3
	t	<b>2,09 (p≤0,05) М</b>	<b>4,03 (p≤0,001) Д</b>	0,81	1,99
Гипервиктимный	Д	18,20+3,7	18,65+2,1	13,28+2,9	50,13+4,4
	М	24,03+2,1	12,27+2,9	13,35+3,5	49,65+4,1
	t	<b>4,77 (p≤0,001) М</b>	<b>6,86 (p≤0,001) Д</b>	0,06	0,29
Невиктимный	Д	9,04+1,3	6,11+1,7	5,39+2,0	20,54+2,9
	М	9,56+2,1	5,30+1,9	6,41+0,9	21,27+2,4
	t	0,76	1,20	1,90	0,75

Примечание: Д – девочки-подростки; М – мальчики-подростки; t-критерий Стьюдента

## General psychology, personality psychology, history of psychology

Table 4 – Gender-specific experiences of social exclusion in older adolescents with different types of role victimization

Types of role victimization		Experiences of social exclusion			
		Experiencing school bullying	Experiencing rejection in the dyad	Experiencing exclusion from status figures	General index of exclusion in interpersonal relations. relationships
Autovictimial	G	13,54+0,7	10,30+1,1	11,76+1,3	35,60+2,3
	B	14,47+1,6	9,97+2,3	13,96+0,6	38,40+3,1
	t	1,62	0,39	<b>3,61 (p≤0,01) B</b>	2,01
Victimized	G	17,70+3,3	17,94+2,6	12,53+3,6	48,17+3,9
	B	20,10+2,4	11,86+4,1	12,76+2,7	44,72+4,3
	t	<b>2,09 (p≤0,05) B</b>	<b>4,03 (p≤0,001) G</b>	0,81	1,99
Hyperactive	G	18,20+3,7	18,65+2,1	13,28+2,9	50,13+4,4
	B	24,03+2,1	12,27+2,9	13,35+3,5	49,65+4,1
	t	<b>4,77 (p≤0,001) B</b>	<b>6,86 (p≤0,001) G</b>	0,06	0,29
Non-reversible	G	9,04+1,3	6,11+1,7	5,39+2,0	20,54+2,9
	B	9,56+2,1	5,30+1,9	6,41+0,9	21,27+2,4
	t	0,76	1,20	1,90	0,75

Note: G – teenage girls; B – teenage boys; Student's t-test

Как можно видеть из таблицы 4, статистически значимые гендерные различия были обнаружены в группе виктимных и гипервиктимных старших подростков. При этом различия в пользу девочек-подростков зафиксированы по переживанию отвержения в диаде (у виктимных:  $t=4,03$  при  $p\leq 0,001$ ; у гипервиктимных:  $t=6,86$  при  $p\leq 0,001$ ), тогда как различия в пользу мальчиков-подростков зафиксированы по переживанию школьной травли (у виктимных:  $t=2,09$  при  $p\leq 0,05$ ; у гипервиктимных:  $t=4,77$  при  $p\leq 0,001$ ). Выходит, что опыт буллинга оказывает большее влияние на виктимных и гипервиктимных старших подростков мужского пола, а опыт гостинга, фаббинга и предательства в межличностном взаимодействии больше травмирует виктимных и гипервиктимных старших подростков женского пола. Заметим, что эти данные в целом согласуются с уже описанной выше гендерной спецификой социального исключения в старшем подростковом возрасте по всей выборке исследования.

Однако, помимо этого, в группе аутовиктимных подростков также наблюдаются статистически значимые гендерные различия по переживанию исключения со стороны статусных фигур в пользу испытуемых мужского пола ( $t=3,61$  при  $p\leq 0,01$ ). Иными словами, среди тех старших подростков, кто добровольно принимает на себя игровую роль жертвы, несколько чаще с такого рода отвержением сталкиваются мальчики, хотя мы также не исключаем, что полученные данные могут свидетельствовать и несколько о другом, а именно: о большей чувствительности к отвержению в отношениях со статусными людьми аутовиктимных старших подростков мужского пола.

Вместе с тем в группе невиктимных подростков гендерные различия оказались не значимыми, так же как и у испытуемых со всеми типами ролевой виктимности по общему индексу эксклюзии в межличностных отношениях.

В завершение обратимся к таблице 5, где представлены данные сравнительного анализа переживания социального исключения у девочек и мальчиков старшего подросткового возраста с разными типами ролевой виктимности (по Стьюденту). При этом

сразу же оговоримся, что указанный сравнительный анализ мы осуществляли только между группами испытуемых, имеющих высокие показатели той или иной виктимности, исключив из него невиктимных старших подростков женского и мужского пола, принимая во внимание заведомо очевидные результаты гораздо менее выраженных у них переживаний социальной эксклюзии.

Таблица 5 – Степень выраженности переживания социального исключения у старших подростков с разными типами ролевой виктимности

Испытуемые		Общий индекс эксклюзии в межличностных отношениях (t-критерий Стьюдента)
Девочки-подростки	аутовиктимные и виктимные	<b>8,87 (p≤0,001) В</b>
	аутовиктимные и гипервиктимные	<b>8,66 (p≤0,001) Г</b>
	виктимные и гипервиктимные	1,19
Мальчики-подростки	аутовиктимные и виктимные	<b>3,72 (p≤0,001) В</b>
	аутовиктимные и гипервиктимные	<b>8,40 (p≤0,001) Г</b>
	виктимные и гипервиктимные	<b>2,85 (p≤0,01) Г</b>

Table 5 – The degree of severity of the experience of social exclusion in older adolescents with different types of role victimization

Subjects		The general index of exclusion in interpersonal relationships ((Student's t-test)
Teenage girls	autovictimal and victimized	<b>8,87 (p≤0,001) V</b>
	autovictimal and hypervictimal	<b>8,66 (p≤0,001) H</b>
	victimised and hypervictimal	1,19
Teenage boys	autovictimal and victimized	<b>3,72 (p≤0,001) V</b>
	autovictimal and hypervictimal	<b>8,40 (p≤0,001) H</b>
	victimised and hypervictimal	<b>2,85 (p≤0,01) H</b>

По итогам сравнительного анализа было установлено, что в группе девочек-подростков более высокая степень переживания социального исключения наблюдается у испытуемых с виктимным и гипервиктимным типами ролевой виктимности, причем значимые различия между испытуемыми этих групп зафиксированы не были.

Между тем в группе мальчиков-подростков мы обнаруживаем в целом достаточно схожую тенденцию при наличии некоторых нюансов, а именно: при сравнении с аутовиктимными испытуемыми гораздо более выраженные переживания эксклюзии также демонстрируют виктимные и гипервиктимные подростки, однако в то же время между испытуемыми этих групп установлены статистически значимые различия в пользу гипервиктимных мальчиков. Иными словами, наиболее сильные переживания социального исключения среди старших подростков мужского пола характерны, прежде всего, для испытуемых с гипервиктимным типом ролевой виктимности.

### Обсуждение и заключения

Итак, проведенное эмпирическое исследование, посвященное изучению особенностей проявления ролевой виктимности и переживания социальной эксклюзии у старших подростков в гендерном измерении, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В группе старших подростков наряду с невиктимными преобладают лица с виктимным и гипервиктимным типами ролевой виктимности. При этом общий уровень ролевой виктимности находится в пределах нормы.

2. Склонность к игровой роли жертвы демонстрируют преимущественно мальчики-подростки, тогда как склонность к социальной роли жертвы гораздо ярче проявляется у девочек-подростков. Соответственно, аутовиктимный тип ролевой виктимности чаще встречается среди старших подростков мужского пола, нежели среди их сверстниц, у которых на порядок чаще встречается виктимный тип ролевой виктимности.

3. Независимо от пола самые высокие показатели степени выраженности переживания социального исключения в старшем подростковом возрасте наблюдаются по параметру школьной травли.

4. Для старших подростков женского пола в большей степени, чем для их сверстников мужского пола, характерны переживания отвержения в диаде. Напротив, у мальчиков-подростков в отличие от девочек-подростков более выраженными оказываются переживания, связанные с буллингом.

5. Гендерные различия в переживаниях социального исключения в старшем подростковом возрасте обнаружены в группе виктимных, гипервиктимных и аутовиктимных испытуемых. При этом у виктимных и гипервиктимных старших подростков эти различия соответствуют тем, что констатированы в целом по выборке, т.е. степень выраженности переживания школьной травли преобладает у мальчиков, а степень выраженности переживаний отвержения в диаде – у девочек. В группе аутовиктимных старших подростков гендерные различия наблюдаются в пользу мальчиков, причем только по переживанию исключения со стороны статусных фигур.

6. Как мы и предполагали, более высокие показатели переживания социальной эксклюзии в межличностных отношениях независимо от пола наблюдаются у виктимных и гипервиктимных старших подростков.

Таким образом, все наши гипотезы нашли свое подтверждение.

В качестве перспектив для дальнейшего исследования мы можем обозначить изучение не только гендерной, но и возрастной специфики проявлений ролевой виктимности и переживания социальной эксклюзии, а также привлечение в качестве участников исследования людей из разных профессиональных групп, среди которых наибольший интерес, на наш взгляд, могут представлять специалисты социомического профиля, включая практикующих психологов.

#### **Список использованных источников**

1. Андронникова О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 9 (87). С. 21-32.
2. Андронникова О. О. Виктимная идентичность личности созависимого типа // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 92-97.
3. Андронникова О. О., Ветерок Е. В. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушений социального развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 03 (57). Часть 1. С. 111-113.
4. Аракелян К. Н. Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2014. № 4. С. 58-65.

5. Арпентьева М. Р., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Токарь О. В., Дувалина О. Н. Инклюзия и эксклюзия как показатели культуры социальных отношений: глобальное образование в развитии человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 154-165.
6. Биктина Н. Н., Баймешова А. Б. К проблеме виктимности личности подростка в современных исследованиях: сущность, виды, факторы возникновения и причины проявления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22522> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Блинова Д. Л., Семенова Л. Э. Суверенность психологического пространства личности и ролевая виктимность женщин и мужчин в период средней зрелости // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 83. Часть 2. С. 451-454.
8. Бойкина Е. Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 127-140. DOI: 10.17759/psylaw.2019090310.
9. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 152-170. DOI: 10.17759/psylaw.2020100114.
10. Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 5-17.
11. Бочавер А. А. Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 2. С. 393-409. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-393-409.
12. Бубнова И. С. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 89-93.
13. Бубнова И. С. К вопросу о социально-педагогической виктимности современных подростков // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 2 (12). С. 21-27.
14. Варыгин А. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждение // Вестник казанского юридического института МВД России. 2014. № 3. С. 30-34.
15. Васюра С. А., Иоголевич Н. И. Временная транспектива школьников подросткового возраста как психолого-педагогическая проблема // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 2. С. 199-217.
16. Горнаева С. В., Смотровая Т. Н. Специфика переживания вины и стыда у лиц с различными социально-психологическими характеристиками // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perezhivaniya-viny-i-styda-u-lits-s-razlichnymi-sotsialno-psihologicheskimi-harakteristikami> (дата обращения: 25.01.2026).
17. Гусева Ю. Е., Семенова Г. В., Рудыхина О. В. Формы эксклюзии обучающихся в социокультурной среде образовательной организации // Нижегородское образование. 2020. № 3. С. 94-99.
18. Жигунова Г. В., Пономаренко Н. О. Причины насилия над женщинами в семье // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 137-144. URL: [https://izvuz\\_on.pnzgu.ru/files/izvuz\\_on.pnzgu.ru/15215.pdf](https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/15215.pdf) (дата обращения: 26.01.2026).
19. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48-73. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.03.

20. Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размеров и типа школы // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 220-242. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242.
21. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2017. 288 с.
22. Ильяшенко А. Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85-91.
23. Кайипбекова И. У. Гендерные особенности виктимности подростков из семей мигрантов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2024. Вып. 7. С. 122-128. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-16.
24. Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
25. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация: учебное пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2013. 285 с.
26. Кривцова С., Шапкина А., Белевич А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. 2016. № 3. С. 97-119.
27. Лефтеров В. А., Вакулич Т. М. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия // Психология и право. 2013. Т. 3, № 2. URL: [https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013\\_n2/61022](https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n2/61022) (дата обращения: 05.02.2026).
28. Логутова Е. В. Гендерные особенности виктимного поведения старших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=18304> (дата обращения: 25.01.2026).
29. Макеева И. А. Социальная эксклюзия и инклюзия в контексте образования: сущность, подходы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 198. С. 45-55.
30. Мезенцева Е. Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 54-66.
31. Микляева А. В. Феномен личностного инфантилизма в контексте методологии интегративного подхода: содержание, функции, детерминанты // Интегративный подход к познанию психологии человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 191-207.
32. Морозова Л. Б., Поварова В. Н. Исследование виктимной деформации личности и девиантного поведения среди подростков общеобразовательной школы // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN418.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).
33. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62-90. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90.
34. Обухова Ю. В., Гурьева В. О. Образ сверстника-жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения // Российский психологический журнал. 2017. № 2. С. 118-134.
35. Одинцова М. А. Психологические особенности виктимной личности // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 59-67.
36. Одинцова М. А. Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. URL: [https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012\\_n3/psyedu\\_2012\\_n3\\_55575.pdf](https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/psyedu_2012_n3_55575.pdf) (дата обращения: 22.01.2026).

37. Одинцова М. А., Радчикова Н. П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г.Белинского. Общественные науки. 2012. № 28. С. 1303-1310.
38. Пахомова Е. А. Инфантилизм в студенческой молодежной среде как психолого-педагогическая проблема // Человеческий капитал. 2021. № 2 (146). С. 234-242. DOI: 10.25629/НС.2021.02.23.
39. Петровских В. Д., Пенионжек Е. В. Склонность к виктивному поведению у подростков, особенности его проявления // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 1 (13). С. 56-61.
40. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 4. С. 306-330.
41. Пономарева Т. А. Особенности девиантного поведения подростков: социокультурный аспект // Инновационная наука. 2017. № 3-1. С. 254-257.
42. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Тертышников А. Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 444-456. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456.
43. Развитие личности в условиях современных вызовов: монография / отв. ред. Г. Г. Тюстина, С. В. Коваленко. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2022. 167 с.
44. Руденский Е. В. Субъектная виктимность личности подростка как уязвимость жизнеспособности: феноменология, гносеология и онтология // Смальта. 2020. № 3. С. 32-40.
45. Рыжова Н. И., Громова О. Н. Виктимологическая профилактика и защита как основа профессиональной виктимологической подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 8-13.
46. Селиванова Ю. В., Шаров А. А. Переживание социальной эксклюзии как предиктор безнадежности у студентов с ограниченными возможностями здоровья // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN523.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).
47. Семенова Г. В., Векилова С. А., Рудыхина О. В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 3. С. 97-115. DOI: 10.17759/sps.2022130307.
48. Семенова Л. Э., Божкова Е. Д., Конева И. А. Личностные ресурсы психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 5. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1327/870> (дата обращения: 22.01.2026).
49. Семенова Л. Э., Семенова В. Э. Гендерная психология: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2021. 309 с.
50. Семенова Л. Э., Семенова В. Э., Карпушкина Н. В., Конева И. А. Возрастная специфика восприятия фаббинга // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 8. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1514/994> (дата обращения: 22.01.2026).
51. Снетков Н. Н. Жертвенное поведение женщин, состоящих в браке с мужчинами, страдающими алкогольной зависимостью // Здоровоохранение Югры: опыт и инновации. 2017. № 1. С. 44-47.
52. Суворова И. Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 29-43.

53. Суханова А. А. К вопросу об объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. Вып. 1. С. 27-33.
54. Тимко С. А., Тимко В. П. Мужчина – жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 33-40.
55. Туляков В. А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы). Одесса: Юридическая литература, 2000. 336 с.
56. Улыбина Е. В., Аббасова С. Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 3. С. 51-69. DOI: 10.17759/sps.2020110304.
57. Фоменко Н. В. Подростковый возраст как наиболее сложный этап развития ребенка // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2014. № 2. С. 201-205.
58. Хаидов С. К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).
59. Хитрук Е. Б. «Невидимость мужского» как маркер гендерного неравенства в теории Майкла Киммела // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 2. С. 16-23. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.2.2.
60. Хломов К. Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 109-125. DOI: 10.17759/sps.2016070208.
61. Шипунова Т. В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (3). С. 142-158.
62. Школа без насилия / под ред. Н. Ю. Синягиной, Т. Ю. Райфшнайдер. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 150 с.
63. Шпаковская Е. Ю., Ключкина А. А. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN120.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).
64. Шульмин М. П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17-33. DOI: 10.17223/17267080/70/2.
65. Шульмин М. П. Различия в психических переживаниях студентами социальной эксклюзии в контексте мира личности и образовательного пространства // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 111-125. DOI: 10.17223/17267080/73/7.
66. Эльячефф К., Суле-Ларивьер Д. Время жертв. М.: ИОИ, 2022. 256 с.
67. Янова Н. Г. Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 189-197.
68. Яценко Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 233-241.
69. Athanasiou K., Melegkovits E., Andrie E. K., Magoulas C., Tzavara C. K., Richardson C., Greydanus D., Tsolia M., Tsitsika A.K. Crossnational aspects of cyberbullying victimization among 14–17-year-old adolescents across seven European countries // BMC Public Health. 2018. Vol. 18 (1). 800 p. DOI: 10.1186/s12889-018-5682-4.

70. Bourdieu P. *Masculine Domination*. Stanford University Press, 2001. 133 p.
71. Breakwell G. M. Mistrust, uncertainty and health risks // *Contemporary Social Science*. 2020. Vol. 15, no. 5. Pp. 504-516. DOI:10.1080/21582041.2020.1804070.
72. Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M. The legitimization of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. Pp. 7-12.
73. D'Mello L., Monteiro M. Social Media – Effects on the Psychological Health of Adolescence // *International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS)*. 2019. Vol. 4 (1). Pp. 20-25. DOI: 10.5281/zenodo.2589820.
74. Dutton D. G., White K. R. Male victims of domestic violence // *New male studies: An international journal*. 2013. Vol. 2 (1). Pp. 5-17.
75. Haines E. L., Deaux K., Lofaro N. The Times They Are a-Changing ... or Are They Not? A Comparison of Gender Stereotypes, 1983–2014 // *Psychology of Women Quarterly*. 2016. Vol. 40, no. 3. DOI: 10.1177/0361684316634081.
76. Inchley J., Currie D., Budisavljevic S. et al. *Spotlight on Adolescent Health and Well-Being. Findings from the 2017/2018 HBSC survey in Europe and Canada*. International report. Vol. 2. Key findings. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 2020. 144 p. Available at: <https://iris.who.int/handle/10665/332091> (accessed: 22.01.2026).
77. Junga-Silva A., Silva D. How is the life without unicorns? A within-individual study on the relationship between uncertainty and mental health indicators: The moderating role of neuroticism // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 188. P. 111462. DOI: 10.1016/j.paid.2021.111462.
78. Leontiev D., Mospan A., Osin E. Positive personality resources as buffers against psychological reactions to uncertainty // *Current Psychology*. 2022. DOI: 10.1007/s12144-022-03879-1.
79. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in Schools: The State of Knowledge and Effective Interventions // *Psychology, Health & Medicine*. 2017. Vol. 22, no. 1. Pp. 240-253. DOI: 10.1080/13548506.2017.1279740.
80. Moore S. E., Norman R. E., Suetani S., Thomas H. J., Sly P. D., Scott J. G. Consequences of bullying victimization in childhood and adolescence: A systematic review and meta-analysis // *World Journal Psychiatry*. 2017. Vol. 7, no. 1. Pp. 60-76. DOI: 10.5498/wjp.v7.i1.60.
81. Odgers C. L., Jensen M. R. Annual Research Review: Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions // *Journal Child Psychol Psychiatry*. 2020. Vol. 61, no. 3. Pp. 336-348. DOI: 10.1111/jcpp.13190.
82. Riva P., Montali L., Wirth J. H., Curioni S., Williams K. D. Chronic social exclusion and evidence for the resignation stage: An empirical investigation // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2017. Vol. 34 (4). Pp. 541-564.
83. Wang Q., Yao N. Understanding the impact of technology usage at work on academics' psychological well-being: a perspective of technostress // *BMC Psychology*. 2025. Vol. 13. P. 130. Available at: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-025-02461-1> (accessed: 19.01.2026).
84. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. No. 58. Pp. 425-452.
85. Winstone L., Jamal S., Mars B. Cyberbullying Perpetration and Victimization as Risk Factors for Self-Harm: Results From a Longitudinal Cohort Study of 13-14-Year-Olds in England // *Journal Adolesc Healths*. 2024. Vol. 75, no. 2. Pp. 298-304. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2024.04.004.

86. Young-Jones A., Fursa S., Byrket J. S., Sly J. S. Bullying affects more than feelings: The long-term implications of victimization on academic motivation in higher education // *Social Psychology of Education. An International Journal*. 2015. Vol. 18, no. 1. Pp. 185-200. DOI: 10.1007/s11218-014-9287-1.

### References

1. Andronnikova O. O. Main characteristics of adolescents with self-harming victim behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, no. 9 (87), pp. 21-32. (In Russ.)
2. Andronnikova O. O. Victim identity of a codependent personality. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 92-97. (In Russ.)
3. Andronnikova O. O., Veterok E. V. Gender characteristics of victim behavior as a result of social development disorders. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2017, no. 03 (57), part 1, pp. 111-113. (In Russ.)
4. Arakelyan K. N. Experience of violence and propensity to victim behavior in adolescents: gender aspect. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sociologiya*, 2014, no. 4, pp. 58-65. (In Russ.)
5. Arpent'eva M. R., Gasanova R. R., Hudyakova T. L., Stepanova O. P., Tokar' O. V., Duvalina O. N. Inclusion and exclusion as indicators of the culture of social relations: global education in human development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 2020, no. 3 (59), pp. 154-165. (In Russ.)
6. Biktina N. N., Bajmeshova A. B. On the problem of victimization of the adolescent personality in modern studies: essence, types, factors of occurrence and causes of manifestation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 2-2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22522> (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)
7. Blinova D. L., Semenova L. E. Sovereignty of the Psychological Space of the Individual and Role Victimization of Women and Men in Middle Adulthood. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2024, no. 83, part 2, pp. 451-454. (In Russ.)
8. Bojkina E. E. Ostracism and Related Phenomena: A Review of Foreign Research. *Psihologiya i parvo*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 127-140, doi: 10.17759/psylaw.2019090310. (In Russ.)
9. Bojkina E. E., CHirkina R. V. Social ostracism: the current state of the problem, methodology, and research methods. *Psihologiya i parvo*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 152-170, doi: 10.17759/psylaw.2020100114. (In Russ.)
10. Borodkin F. M. Social exclusions. *Sociologicheskij zhurnal*, 2000, no. 3-4, pp. 5-17. (In Russ.)
11. Bochaver A. A. Consequences of school bullying for its participants. *Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 393-409, doi: 10.17323/1813-8918-2021-2-393-409. (In Russ.)
12. Bubnova I. S. The Problem of Victim Behavior of Adolescents and Its Social and Pedagogical Prevention. *Psihologiya v ekonomike i upravlenii*, 2014, no. 1, pp. 89-93. (In Russ.)
13. Bubnova I. S. On the Issue of Social and Pedagogical Victimization of Modern Adolescents. *Glagol' pravosudiya*, 2016, no. 2 (12), pp. 21-27. (In Russ.)
14. Varygin A. N. Features of Domestic Crimes and Their Prevention. *Vestnik kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 3, pp. 30-34. (In Russ.)
15. Vasyura S. A., Iogolevich N. I. Temporal transperspective of adolescent schoolchildren as a psychological and pedagogical problem. *Integraciya obrazovaniya*, 2017, vol. 21, no. 2, pp. 199-217. (In Russ.)

16. Gornaeva S. V., Smotrova T. N. Specifics of experiencing guilt and shame in individuals with different socio-psychological characteristics. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*, 2012, no. 3 (11). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perezivaniya-viny-i-styda-u-lits-s-razlichnymi-sotsialno-psihologicheskimi-harakteristikami> (accessed: 25.01.2026). (In Russ.)
17. Guseva YU. E., Semenova G. V., Rudyhina O. V. Forms of Exclusion of Students in the Sociocultural Environment of an Educational Organization. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2020, no. 3, pp. 94-99. (In Russ.)
18. ZHigunova G. V., Ponomarenko N. O. Causes of Violence against Women in the Family. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 2 (34), pp. 137-144. Available at: [https://izvuz\\_on.pnzgu.ru/files/izvuz\\_on.pnzgu.ru/15215.pdf](https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/15215.pdf) (accessed: 26.01.2026). (In Russ.)
19. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. What is "Masculinity"? Conceptual Keys for Critical Studies of Men and Masculinities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2018, no. 6, pp. 48-73, doi: 10.14515/monitoring.2018.6.03. (In Russ.)
20. Ivanyushina V. A., Hodorenko D. K., Aleksandrov D. A. Prevalence of Bullying: Age and Gender Differences, the Significance of School Size and Type. *Voprosy obrazovaniya*, 2021, no. 4, pp. 220-242, doi: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242. (In Russ.)
21. Il'in E. P. Psychology of Conscience: Guilt, Shame, Remorse. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)
22. Il'yashenko A. N. Main Features of Violent Crime in the Family. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2003, no. 4, pp. 85-91. (In Russ.)
23. Kajipbekova I. U. Gender Features of Victimization of Adolescents from Migrant Families. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2024, no. 7, pp. 122-128, doi: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-16. (In Russ.)
24. Klecina I. S., Ioffe E. V. Gender Norms as a Socio-Psychological Phenomenon. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 144 p. (In Russ.)
25. Koval'chuk M. A., Tarhanova I. YU. Deviant Behavior: Prevention, Correction, Rehabilitation: Study Guide. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2013. 285 p. (In Russ.)
26. Krivcova S., SHapkina A., Belevich A. Bullying at school x of the world: Austria, Germany, Russia. *Obrazovatel'naya politika*, 2016, no. 3, pp. 97-119. (In Russ.)
27. Lefterov V. A., Vakulich T. M. Psychological Features of Women's Victim Behavior in Domestic Violence Situations. *Psihologiya i parvo*, 2013, vol. 3, no. 2. Available at: [https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013\\_n2/61022](https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n2/61022) (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)
28. Logutova E. V. Gender Features of Senior Schoolchildren's Victim Behavior. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1-1. Available at: <https://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=18304> (accessed: 25.01.2026). (In Russ.)
29. Makeeva I. A. Social Exclusion and Inclusion in the Context of Education: Essence, Approaches. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, 2020, no. 198, pp. 45-55. (In Russ.)
30. Mezenceva E. Gender Economics: Theoretical Approaches. *Voprosy ekonomiki*, 2000, no. 3, pp. 54-66. (In Russ.)
31. Miklyaeva A. V. The Phenomenon of Personal Infantilism in the Context of the Methodology of an Integrative Approach: Content, Functions, Determinants. *Integrativnyj podhod k poznaniyu psihologii cheloveka*. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2017. Pp. 191-207. (In Russ.)

32. Morozova L. B., Povarova V. N. Study of victim-related personality deformation and deviant behavior among adolescents in comprehensive schools. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2018, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN418.pdf> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)
33. Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. Bullying in Russian schools: experience of diagnosing prevalence, gender and age characteristics, and connection with school climate. *Voprosy obrazovaniya*, 2021, no. 3, pp. 62-90, doi: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90. (In Russ.)
34. Obuhova YU. V., Gur'eva V. O. The Image of a Peer-Victim of Bullying in Schoolchildren with Different Severity of Victim Behavior. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 118-134. (In Russ.)
35. Odincova M. A. Psychological Features of a Victim Personality. *Voprosy psichologii*, 2012, no. 3, pp. 59-67. (In Russ.)
36. Odincova M. A. Role Victimization in the Behavior of Adolescents from Socially Vulnerable Families. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2012, no. 3. Available at: [https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012\\_n3/psyedu\\_2012\\_n3\\_55575.pdf](https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/psyedu_2012_n3_55575.pdf) (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)
37. Odincova M. A., Radchikova N. P. Development and standardization of the questionnaire "Type of role victimization". *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G.Belinskogo. Obshchestvennye nauki*, 2012, no. 28, pp. 1303-1310. (In Russ.)
38. Pahomova E. A. Infantilism in the student youth environment as a psychological and pedagogical problem. *CHelovecheskij capital*, 2021, no. 2 (146), pp. 234-242, doi: 10.25629/hc.2021.02.23. (In Russ.)
39. Petrovskih V. D., Penionzhek E. V. Tendency to Victim Behavior in Adolescents, Features of Its Manifestation. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva*, 2023, no. 1 (13), pp. 56-61. (In Russ.)
40. Pozdnyakova M. E., Bryuno V. V. Deviant Behavior of the Population as a Reflection of Maladaptation Processes in Russian Society (Based on State Statistics). *Vestnik Instituta sociologii*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 306-330. (In Russ.)
41. Ponomareva T. A. Features of Deviant Behavior of Adolescents: Sociocultural Aspect. *Innovacionnaya nauka*, 2017, no. 3-1, pp. 254-257. (In Russ.)
42. Puzanova ZH. V., Larina T. I., Tertyshnikova A. G. Infantilization of Youth: A Methodological Approach to Measurement. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 444-456, doi: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456. (In Russ.)
43. Personality Development in the Context of Modern Challenges: Monograph / eds. G. G. Tyustina, S. V. Kovalenko. Nizhnevartovsk, NVGU Publ., 2022. 167 p. (In Russ.)
44. Rudenskij E. V. Subjective victimization of the adolescent personality as a vulnerability of viability: phenomenology, epistemology, and ontology. *Smal'ta*, 2020, no. 3, pp. 32-40. (In Russ.)
45. Ryzhova N. I., Gromova O. N. Victimological prevention and protection as the basis for professional victimological training. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2015, no. 1 (50), pp. 8-13. (In Russ.)
46. Selivanova YU. V., SHarov A. A. Experience of social exclusion as a predictor of hopelessness in students with disabilities. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2023, vol. 11, no. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN523.pdf> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)

47. Semenova G. V., Vekilova S. A., Rudyhina O. V. Experience of social exclusion: development and testing of a questionnaire. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 97-115, doi: 10.17759/sps.2022130307. (In Russ.)
48. Semenova L. E., Bozhkova E. D., Koneva I. A. Personal resources of psychological well-being of mothers raising children with disabilities. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2022, vol. 10, no. 1, p. 5. Available at: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1327/870> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)
49. Semenova L. E., Semenova V. E. Gender Psychology: A Tutorial. Moscow, Infra-M Publ., 2021. 309 p. (In Russ.)
50. Semenova L. E., Semenova V. E., Karpushkina N. V., Koneva I. A. Age Specificity of Phubbing Perception. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2024, vol. 12, no. 1, p. 8. Available at: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1514/994> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)
51. Snetkov N. N. Sacrificial behavior of women married to men suffering from alcohol dependence. *Zdravoohranenie YUgry: opyt i innovacii*, 2017, no. 1, pp. 44-47. (In Russ.)
52. Suvorova I. YU. Social exclusion as a socio-psychological phenomenon. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2014, vol. 5, no. 4, pp. 29-43. (In Russ.)
53. Suhanova A. A. On the issue of the scope and content of the concept of "victim": a review of theoretical positions of victimological science. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 27-33. (In Russ.)
54. Timko S. A., Timko V. P. Man – a victim of domestic violence: the relevance of the problem in Russia. *Viktimologiya*, 2016, no. 3 (9), pp. 33-40. (In Russ.)
55. Tulyakov V. A. Victimology (social and criminological problems). Odessa, YUridicheskaya literatura Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
56. Ulybina E. V., Abbasova S. E. Gender differences in the attribution of guilt to participants in typical and atypical spousal violence. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 51-69, doi: 10.17759/sps.2020110304. (In Russ.)
57. Fomenko N. V. Adolescence as the Most Difficult Stage of Child Development. *Vestnik Taganrogskegogo instituta imeni A. P. CHEkhova*, 2014, no. 2, pp. 201-205. (In Russ.)
58. Haidov S. K. Emotional and Psychological Violence against Men in the Family. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2020, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)
59. Hitruk E. B. "The Invisibility of Masculinity" as a Marker of Gender Inequality in Michael Kimmel's Theory. *Logos et Praxis*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 16-23, doi: 10.15688/lp.jvolsu.2017.2.2. (In Russ.)
60. Hlomov K. D. Social Risks in the Context of Individual Life Trajectories of Modern Adolescents. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 109-125, doi: 10.17759/sps.2016070208. (In Russ.)
61. SHipunova T. V. Spousal Violence in the Context of Women's Victimization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 2016, no. 22 (3), pp. 142-158. (In Russ.)
62. School Without Violence / edited by N. Yu. Sinyagina, T. Yu. Reifshnaider. Moscow, ANO «CNPRO» Publ., 2015. 150 p. (In Russ.)
63. SHpakovskaya E. YU., Klyukina A. A. Psychological Features of Victim Behavior of Adolescents Subjected to Cyberbullying. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2020, no. 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN120.pdf> (accessed: 22.01.2026). (In Russ.)

**General psychology, personality psychology, history of psychology**

64. SHul'min M. P. Psychological Factors of an Individual's Experience of Social Exclusion. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2018, no. 70, pp. 17-33, doi: 10.17223/17267080/70/2. (In Russ.)
65. SHul'min M. P. Differences in Students' Mental Experiences of Social Exclusion in the Context of the Personal World and the Educational Space. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2019, no. 73, pp. 111-125, doi: 10.17223/17267080/73/7. (In Russ.)
66. El'yacheff K., Sule-Lariv'er D. Time of Victims. Moscow, IOI Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)
67. YAnova N. G. Psychological and Pedagogical Risks of Bullying in the Educational Environment. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*, 2019, no. 4 (15), pp. 189-197. (In Russ.)
68. YAcenko T. E. The relationship between victim-related personality deformation and the tendency to victim behavior in adolescence and youth. *Vestnik SHadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 3 (43), pp. 233-241. (In Russ.)
69. Athanasiou K., Melegkovits E., Andrie E. K., Magoulas C., Tzavara C. K., Richardson C., Greydanus D., Tsolia M., Tsitsika A.K. Crossnational aspects of cyberbullying victimization among 14–17-year-old adolescents across seven European countries. *BMC Public Health*, 2018, vol. 18 (1), 800 p., doi: 10.1186/s12889-018-5682-4.
70. Bourdieu P. *Masculine Domination*. Stanford University Press, 2001. 133 p.
71. Breakwell G. M. Mistrust, uncertainty and health risks. *Contemporary Social Science*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 504-516, doi:10.1080/21582041.2020.1804070.
72. Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M. The legitimization of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification. *Personality and Individual Differences*, 2015, vol. 76, pp. 7-12.
73. D'Mello L., Monteiro M. Social Media – Effects on the Psychological Health of Adolescence. *International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS)*, 2019, vol. 4 (1), pp. 20-25, doi: 10.5281/zenodo.2589820.
74. Dutton D. G., White K. R. Male victims of domestic violence. *New male studies: An international journal*, 2013, vol. 2 (1), pp. 5-17.
75. Haines E. L., Deaux K., Lofaro N. The Times They Are a-Changing ... or Are They Not? A Comparison of Gender Stereotypes, 1983–2014. *Psychology of Women Quarterly*, 2016, vol. 40, no. 3, doi: 10.1177/03616843166634081.
76. Inchley J., Currie D., Budisavljevic S. et al. Spotlight on Adolescent Health and Well-Being. Findings from the 2017/2018 HBSC survey in Europe and Canada. International report. Vol. 2. Key findings. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. 2020. 144 p. Available at: <https://iris.who.int/handle/10665/332091> (accessed: 22.01.2026).
77. Junga-Silva A., Silva D. How is the life without unicorns? A within-individual study on the relationship between uncertainty and mental health indicators: The moderating role of neuroticism. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 188, p. 111462, doi: 10.1016/j.paid.2021.111462.
78. Leontiev D., Mospan A., Osin E. Positive personality resources as buffers against psychological reactions to uncertainty. *Current Psychology*, 2022, doi: 10.1007/s12144-022-03879-1.
79. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in Schools: The State of Knowledge and Effective Interventions. *Psychology, Health & Medicine*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 240-253, doi: 10.1080/13548506.2017.1279740.

80. Moore S. E., Norman R. E., Suetani S., Thomas H. J., Sly P. D., Scott J. G. Consequences of bullying victimization in childhood and adolescence: A systematic review and meta-analysis. *World Journal Psychiatry*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 60-76, doi: 10.5498/wjp.v7.i1.60.
81. Odgers C. L., Jensen M. R. Annual Research Review: Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions. *Journal Child Psychol Psychiatry*, 2020, vol. 61, no. 3, pp. 336-348, doi: 10.1111/jcpp.13190.
82. Riva P., Montali L., Wirth J. H., Curioni S., Williams K. D. Chronic social exclusion and evidence for the resignation stage: An empirical investigation. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2017, vol. 34 (4), pp. 541-564.
83. Wang Q., Yao N. Understanding the impact of technology usage at work on academics' psychological well-being: a perspective of technostress. *BMC Psychology*, 2025, vol. 13, p. 130. Available at: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-025-02461-1> (accessed: 19.01.2026).
84. Williams K.D. Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 2007, no. 58, pp. 425-452.
85. Winstone L., Jamal S., Mars B. Cyberbullying Perpetration and Victimization as Risk Factors for Self-Harm: Results From a Longitudinal Cohort Study of 13-14-Year-Olds in England. *Journal Adolesc Healths*, 2024, vol. 75, no. 2, pp. 298-304, doi: 10.1016/j.jadohealth.2024.04.004.
86. Young-Jones A., Fursa S., Byrket J. S., Sly J. S. Bullying affects more than feelings: The long-term implications of victimization on academic motivation in higher education. *Social Psychology of Education. An International Journal*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 185-200, doi: 10.1007/s11218-014-9287-1.

© Семенова Л. Э., Семенова В. Э., Карпушкина Н. В., 2026

### Информация об авторах

**Семенова Лидия Эдуардовна** – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры возрастной и клинической психологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Николая Ивановича Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация, профессор кафедры общей и клинической психологии, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, [verunechka08@list.ru](mailto:verunechka08@list.ru)

**Семенова Вера Эдуардовна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5841-5354, [verunechka08@list.ru](mailto:verunechka08@list.ru)

**Карпушкина Наталья Викторовна** – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0279-381X, Researcher ID: J-7028-2017, [karpushkina.nv@gmail.com](mailto:karpushkina.nv@gmail.com)

### Information about the authors

**Semenova Lidiya E.** – Doctor of Psychological Science, Assistant Professor, Professor of Department of Age and Clinical Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, Professor of Department of General and Clinical

## **General psychology, personality psychology, history of psychology**

Psychology, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, verunechka08@list.ru

**Semenova Vera E.** – Candidate of Philosophical Science, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Clinical Psychology, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5841-5354, verunechka08@list.ru

**Karpushkina Natalya V.** – Candidate of Psychological Science, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of Special Pedagogy and Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0279-381X, Researcher ID: J-7028-2017, karpushkina.nv@gmail.com

### **Вклад авторов**

**Семенова Лидия Эдуардовна** – формулирование концептуальной идеи и проектирование дизайна исследования; обзор литературы; разработка программы исследования, выбор методик; участие в организации и сборе данных, интерпретации полученных результатов, формулирование обобщающих выводов; оформление публикации.

**Семенова Вера Эдуардовна** – анализ и интерпретация полученных результатов, формулирование обобщающих выводов; оформление публикации.

**Карпушкина Наталья Викторовна** – участие в сборе данных, их систематизация, формулирование обобщающих выводов.

### **Contribution of the authors**

**Semenova Lidiya E.** – formulation of the conceptual idea and design of the research design; literature review; development of the research program, selection of methods; participation in the organization and collection of data, interpretation of the results obtained, formulation of generalizing conclusions; publication design.

**Semenova Vera E.** – analysis and interpretation of the results obtained, formulation of generalizing conclusions; publication design.

**Karpushkina Natalya V.** – participation in data collection, their systematization, formulation of generalizing conclusions.

Поступила в редакцию: 26.02.2025

Принята к публикации: 20.03.2026

Опубликована: 31.03.2026